Был Человек

В.Е.

Раздаётся судьба, как заветный билет –
Ярлыком "шут", "тиран", "благодетель" иль "гений"…
Торг уместен, а если кто ловкий, "делец", –
Знает суть коридоров людских академий,

Просочится сквозь сито дотошных мерил
Мимикрией к излюбленным, вкрадчивым танцем,
Паутинностью тем, кто привычно бескрыл,
Может, чей-то удел – виться и пресмыкаться…

Вероятно, возьмёт осмотрительно в долг,
С громким штампом "богач" расплатиться не сложно,
"Золотой господин был ", – тисненьем итог,
Где бюджетно его добродетель премножат.

Выбор есть, с чьей душой истоптать белый свет,
Веселить ли сомнительной шуткой паяца...
Ощущением скорбным – ушел Человек...
Обещал позвонить, но успел потеряться.

Доверял, и жалел дураков да калек,
Не прослыл подлецом, не лежал тунеядцем...
В ожидании тщетном пропал Человек,
Пусть весь мир умолял хоть на миг, но остаться.

Электричка везёт там, где блеск куполов,
Где ковыль, как забытая песня о вере,
В настоящесть простых и обветренных слов,
Всепрощенье любви, обратимость потери.

Здесь не признана власть штампов да ярлыков,
Но пронюхает доброе сердце собака,
Щедрость до нищеты – Человек был таков,
И считал, это самая мелкая плата.

Легче ждётся письмо, перезвоном дожди
Приучают к бесслёзности от расставаний.
Раздаётся судьба – "без ушедшего жить",
В невозможности встреч –
бесконечность прощаний.

Восемь японок

Мятою дышит фарфоровый чайник,
Восемь японок ведут хоровод
на ободке с позолотой.
Случайный
дачный побег из квартирных суббот.

Как ритуал, чтобы не разминуться
С перечным запахом бархатных грез,
Чашки ушастые, тонкие блюдца, –
Дед из заморского царства привез.

Только сейчас познавая искусство
прикосновений
до терпкости губ
пить элексир с ароматом пред-чувствий, –
Близости высь, узнавания глубь.

Это заветная старая тайна,
Как от разлуки найти антидот –
На ободке с позолотой сакрально
Восемь японок ведут хоровод.

Наваждение
Исподлобья огнями глядит магистраль
на разброд городов, придорожную ветошь.
Беспризорна, без адреса та глухомань
наваждений, намешанных в пёструю ретушь.

Приоткрой чёрный ящик, где в чреве ночей
пряной миррой горчат тонкотканные листья
под надрывный мотив космачей-скрипачей
зреет воздуха плод.
Словно вязано нитью,
всё циклично, природа шаманит вольней,
полотно хлипких сфер пядью вымерить хочет,
превращая пергамент печальных аллей
в допотопный.. невнятный душевный подстрочник.
Суеверно не выйти из круга, блуждай
до потерянных в памяти плавных наречий
и под сводом разорванной фабулой вдаль
понесётся твоя легкокрылая вечность.

Свита Бахуса
На страницах ветра, август прежний венок заплетёт,
на лозе вызревает и липнет медовая гроздь,
между тьмою и светом границы протёрлись насквозь -
может сон, может явь...
Не свирелью зовёт пастушок –
петухи голосят, разгоняя из затхлых углов
полупьяных сатиров с пустыми мехами* –
Всю ночь
дифирамбы и оргии жителей буковых рощ:
резвых фавнов, кентавров, разнузданных старых козлов
продолжали звучать, хороводы танцующих нимф,
тамбурины, кифары, вином изобилует рог...
милый Бахус, твоей Ариадны распутан клубок...
может явь, может дым, может сон вакханалией мним.

***
Петухи. Ветер шарится по постоялым дворам,
деревянные бочки теснятся у входа в трактир,

где хозяин пузатый и самодовольный сатир
часто пьяный, охочий до нимф. По утрам
возле ратуши рынок цветною приманкою снедь
выставляет, горазд зазывала распевно манить.
Дионисий кудрявый поймал вожделения нить, –
мне б проснуться, боюсь от любви захмелеть.

Захожу в лавку знахаря. Сохнет в соцветьях герань,
корни, травы под крышей затянуты сетью в пучок,
отмеряет стеклянной мензуркой мой сон старичок
и рисует круги...
петухи... предрассветная рань.

** Меха - сосуды из кожи для хранения вина.*